

Риниери Г.М.

**Охотничьи очерки, рассказы
и стихотворения**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Г11

Г11 **Г.М. Р.**
Охотничьи очерки, рассказы и стихотворения / Риниери Г.М. – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 167 с.

ISBN 978-5-519-80761-6

ISBN 978-5-519-80761-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Настоящіе рассказы составляют малую крупицу из той массы моих очерков и рассказов, какіе разбросаны в разных наших охотничьих изданіях,—увы, не существующих болѣе,—каковы журналы: „Русскій Охотникъ“—князя Урусова, „Приволжскій Вѣстникъ Охоты“ -- Телепнева, „Журналъ Охоты“ и „Дневникъ Охоты“—Корша, „Цсовая и Ружейная Охота“---Озерова, „Русская Охота“—Колбъ-Сплецкаго и др., идѣ я состоял сотрудиномъ в лучшую и счастливую пору своей охотничьей жизни.

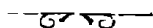
Простые, безхитростные и ни на что не претендующіе, издаваемые мною с единственною цѣлю—дать собрату по благородной охотничьей страсти здоровое удовольствіе и полезное развлеченіе в часы отдыха и досуга,—очерки эти сфотографированы с натуры так, как происходили в дѣйствительности, на дѣль.

И если они достигнут названной цѣли,—я с увѣренностью могу сказать, что книжка эта издана не напрасно.

Автор.

Февраль, 1911 г.
г. Θεοδοσία.

ПОРУЧИКЪ МАЛТЫЗОВЪ.

Теодоръ Ивановичъ Малтызовъ, казацкій поручикъ кавказской службы, представляетъ изъ себя едва-ли не послѣдняго изъ магикановъ; по крайней мѣрѣ, современная наша жизнь не даетъ намъ больше такихъ типовъ.

„Измельчала порода“, говаривалъ часто Теодоръ Ивановичъ,—„вотъ и толку нѣтъ“. Можетъ и такъ, а можетъ и другія причины служатъ помѣхой нашему вѣку производить типы, схожіе съ типомъ незабвеннаго и добраго Теодора Ивановича. Какъ бы тамъ нибыло, но Малтызовыхъ уже нѣтъ и не будетъ.

Теодоръ Ивановичъ былъ человѣкомъ пожилыхъ лѣтъ, въ сѣдинѣ. Довольно высокаго роста, плотный и сильный, онъ казался мужественнымъ и даже симпатичнымъ, хотя черты лица его ничѣмъ особеннымъ не отличались. Характера былъ добраго, безобиднаго и безхитростнаго; былъ веселъ, любилъ много шутить и подтрунивать, вообще отличался самымъ безобиднымъ юморомъ,

здоровымъ и неподдѣльнымъ. Онъ былъ женатъ и имѣлъ 14-лѣтнюю дочь. Семья его, какъ и онъ самъ, отличалась добротою, хлѣбосољствомъ и гостепріимствомъ. Простота и безыскусственность обращенія была отличительною чертою какъ самаго Ѳеодора Ивановича, такъ и его семьи.

Охотникомъ Ѳеодоръ Ивановичъ былъ большимъ, страстнымъ, до мозга костей; онъ весь былъ пропитанъ охотничьей страстью. Ружья имѣлъ дешевыя, не дороже 15—20 руб. каждое, шомпольныя двухствольныя. Стрѣлялъ онъ очень порядочно, не по лѣтамъ, хотя былъ слабъ зрѣніемъ. У него было двѣ собаки, породы французскихъ легавыхъ, крапчатая—„Гамлетъ“ и „Діана“. Первый довольно хорошо работалъ въ полѣ, имѣлъ хорошее чутье и такой-же поискъ, хотя плохо аппортировалъ стрѣлянную дичь; вообще „Гамлетъ“ былъ собакой серьезной и надежной и составлялъ разительный контрастъ съ „Діаной“, горячей и своевольной до неукротимости. Несмотря на крупныя ошибки, какія „Діана“, по горячности своей, позволяла себѣ на охотѣ, я не помню случая, чтобы владѣлецъ ея когда-либо вышелъ изъ себя и оскорбилъ-бы ее ударомъ хлыста или инымъ чѣмъ. Относя это къ чести Ѳеодора Ивановича, я долженъ сказать, что онъ вообще былъ невозмутимъ; его нелегко было взволновать или заставить покинуть хладнокровіе, всегда его сопровождавшее. Онъ на все смотрѣлъ вѣрнымъ взглядомъ, взглядомъ опыта

и практическаго пониманія явленій и вещей, на себѣ испытаннымъ. Дѣйствительно, трудно было его вывести изъ себя, очень трудно; но за то, если ему случалось вспылить, случалось разсердиться, тогда онъ былъ неузнаваемъ, просто опасенъ; тогда для него всѣ средства были хороши. Онъ отлично зналъ себя и имѣлъ настолько силы воли, чтобы удержаться во-время, даже тогда, когда для другого, повидимому, это было невозможно.

Помню, разъ, какъ кто-то, подъ веселую руку, позволилъ себѣ оскорбить его словомъ. Надо полагать, что оскорбленіе было вѣско и сильно, иначе Θεодоръ Ивановичъ не обратилъ-бы на него вниманія.

Θеодоръ Ивановичъ всегда носилъ мундиръ; оскорбленіе и касалось послѣдняго.

Услышавъ оскорбительное слово, онъ поднялся съ мѣста и, повелительно указывая на дверь, громко произнесъ:

— Вонъ!—и когда тотъ медлилъ выходомъ, Θεодоръ Ивановичъ стукнулъ кулакомъ по столу... Дѣйствіе этого удара было ужасно: верхняя доска стола разломалась на три части, бока отлетѣли въ стороны, а ножки покривились и подвернулись внутрь...

— Видите?—лаконически проговорилъ старикъ, указывая на щепки и куски, проговорилъ такъ громко, что стекла задребезжали, а присут-

ствовавшіе при этой сценѣ отшатнулись отъ него, какъ отъ громовержца.

Само собою, что оскорбившій его счелъ за лучшее поскорѣе убраться вонъ—и Θεодоръ Ивановичъ успокоился совершенно.

Таковъ былъ старикъ въ гнѣвъ.

Животныхъ, въ особенности собакъ легавыхъ, любилъ до обожанія. Жена и дочь его едва-ли уступали ему въ этой любви.

По истинѣ, это была семья кинофиловъ. Чрезмѣрная любовь Θεодора Ивановича къ легашамъ заставляла его сквозь пальцы смотрѣть на ошибки и неумѣстныя продѣлки „Гамлета“ и „Діаны“ на охотѣ, которую, въ особенности „Діана“, портили въ конецъ, о чемъ скажу ниже.

Въ домѣ Малтызовыхъ, кромѣ подружейныхъ собакъ, была масса и другихъ породъ—болонокъ, мопсиковъ и проч. Каждая изъ нихъ имѣла свое мѣсто, знала время обѣда, служила, просила ѣсть, бросалась на чужихъ и т. п.

„Содомъ и Гомора“, столпотвореніе поднималось въ домѣ Малтызова, когда входилъ туда впервые незнакомый человѣкъ.

Надо сказать, что Θεодоръ Ивановичъ имѣлъ много домашней птицы—разныхъ куръ, утокъ, цесарокъ, индѣекъ и проч. представителей пернатого царства; имѣлъ много голубей, между которыми египетскіе занимали почетное мѣсто въ

самой комнатѣ. Пѣтухи всегда кричали у него на порогѣ дома... Просто удивляешься всему этому. И всѣхъ этихъ животныхъ семья его любила и жаловала. И вотъ, извольте-ка войти къ Θεодору Ивановичу незнакомому человѣку!.. „Діана“ бросается къ вошедшему и вырываетъ или срысываетъ съ головы шапку, остальные собачки поднимаютъ лай, вой, пискъ; голуби воркуютъ, а египетскіе начинаютъ свой смѣхъ и стоны... И какъ только раздастся этотъ комнатный концертъ, на сцену сейчасъ-же являются куры съ кудахтаньемъ, пѣтухи съ крикомъ, утки съ ораньемъ и проч. животныя...

Шумъ, гамъ, крикъ и стонъ стоятъ невозможные... Все это смѣшивается въ одинъ хаотическій звукъ—громоподобный, поражающій, ужасный для слуха; впечатлѣніе получается такое, отъ котораго нескоро придешь въ себя, нескоро явится и охота еще разъ побывать у Малтызовыхъ.

Понятно, это была страсть семьи и обвинять ее за это было бы несправедливо.

Пожалуй, глядя на все это, иной подумаетъ, что Малтызовы жили въ довольствѣ, безбѣдно и ни въ чемъ не нуждались. Ошибочно было бы такъ думать. Отставной поручикъ, занимавшій должность въ селѣ, Θεодоръ Ивановичъ жилъ пенсіей, да жалованьемъ своей должности. Вотъ и весь его бюджетъ. Тѣмъ не менѣе онъ *умѣлъ*

жить, т. е. умѣлъ такъ поставить дѣло въ домѣ, что ему хватало того, что онъ получалъ. И тутъ сказывалась его опытность... Да неотъемлемое достоинство Феодора Ивановича въ томъ и заключалось, что онъ умѣлъ ориентироваться во всѣхъ положеніяхъ; умѣлъ свой опытъ перенести въ дѣло, умѣлъ пользоваться этимъ опытомъ.

Я воспитывался въ г. М. и такъ какъ родители мои перешли на жительство въ село изъ г. Т—а, то и я на вакаціи всегда пріѣзжалъ къ нимъ. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ, я, тогда еще совсѣмъ мальчикъ, познакомился съ Феодоромъ Ивановичемъ и его семьей, сталъ часто бывать въ его домѣ и, несмотря на громадный контрастъ въ возрастѣ, такъ сошелся со старикомъ охотникомъ, что положительно не могъ обходиться безъ него; съ своей стороны онъ очень любилъ меня и считалъ своимъ молодымъ другомъ и спутникомъ во всѣхъ охотничьихъ экскурсіяхъ. Всѣ его домашніе друзья скоро попривыкли ко мнѣ и перестали встрѣчать меня своимъ раздирающимъ душу концертомъ, а „Гамлетъ“ и „Діана“—тѣ просто не отходили отъ моихъ ногъ и часто являлись къ намъ на домъ съ визитомъ.

Въ то время я только начиналъ чувствовать охотничью страсть, находившуюся во мнѣ и скрытую до поры, до времени. Но уже и тогда во мнѣ проявлялись задатки страстной любви къ охотѣ. Такъ, когда я долженъ былъ ѣхать съ Феодоромъ Ивановичемъ на охоту, о чемъ условливались мы

обыкновенно наканунѣ, съ вечера, —я уже всю ночь не въ состояніи былъ уснуть—на яву бредилъ охотою и съ нетерпѣніемъ ожидалъ утренней зари, съ наступленіемъ которой былъ уже у Θεодора Ивановича и безцеремонно барабанилъ въ стекло—будилъ стараго Немврода.

Захвативъ съ собою кое-чего изъ съѣстнаго, мы, въ сопровожденіи безотлучныхъ „Гамлета“ и „Діаны“, выѣзжали на дрогахъ въ одну лошадь, абонированныхъ на весь охотничій сезонъ, въ степь,*) на свѣжій, чистый воздухъ,—на просторъ, —туда, гдѣ такъ легко и свободно дышется здоровымъ, душу захватывающимъ ароматомъ, гдѣ охотникъ чувствуетъ себя полновластнымъ хозяиномъ, царемъ и гдѣ онъ такъ близокъ къ природѣ, что сливается съ нею въ одно цѣлое, неразрывное....

Никогда не забуду я тѣхъ ощущеній... Да и какъ забыть чарующее?!.. Это было-бы недостойно охотника; это была-бы профанация!..

Часто, почти ежедневно предпринимали мы поѣздки на охоту и въ каждую изъ нихъ Θεодоръ Ивановичъ обязательно чему-нибудь меня выучивалъ. Такъ, за каникулы, т. е. за два мѣсяца, я выучился обращаться съ ружьемъ, зналъ мѣру пороха и дроби, зналъ кое-что о калибрахъ ру-

*) Въ то время были еще степи, т. е. громадныя пространства дѣвственной земли, не тронутой хищнической рукой человѣка—цѣльной земли

жей, зарядахъ къ нимъ; умѣлъ различать дичь и хорошо зналъ, гдѣ можно отыскать ее весною, лѣтомъ, осенью.

Но что всего болѣе радовало Ѳеодора Ивановича—это мои успѣхи въ стрѣльбѣ дичи. Я зналъ, какъ надо брать на цѣль птицу медленно летящую, быстро летящую и плавающую. Одного только я не могъ усвоить—той *выдержки*, какую хотѣлъ насильно навязать мнѣ мой менторъ.

Очевидно Ѳеодоръ Ивановичъ ошибался въ моемъ темпераментѣ: нельзя сангвиника заставить дѣлать то, что пригодно, положимъ, флегматику или меланхолику; тутъ все—въ проявленіи духа, въ свойствѣ души, зависяшихъ всецѣло отъ организма, и Ѳеодоръ Ивановичъ совершенно напрасно терялъ время и изощрялъ свое терпѣніе, желая за два мѣсяца моихъ охотъ съ нимъ сдѣлать изъ меня вполнѣ выдержаннаго охотника. Онъ, на примѣръ, хотѣлъ, чтобы я, при взлетѣ птицы, не только не горячился, но разговаривалъ-бы совершенно спокойно, какъ бы не замѣчалъ дичи и, продолжая разговаривать или пѣть что-либо, тщательно выцѣвливалъ птицу по „мѣсту“ и лишь тогда спускалъ курокъ...

Съ этой цѣлью онъ всякій разъ, когда „Гамлетъ“ дѣлаетъ стойку по дичи, заставлялъ меня пѣть пѣсенку, имъ любимую: „Шамиль вздумалъ бунтоваться“ и т. д. и подходилъ со мною къ дичи и собакѣ. Дичь срывалась и съ первымъ сло-